

До этого момента я ещё сдерживалась, но теперь почувствовала, что всё моё существо переполнено обидой. Попытавшись подняться, я обнаружила, что ноги затекли, и просто бросилась в её объятия, выкрикнув «Матушка!», а слёзы хлынули потоком, оставив мокрые пятна на её одежде.

Матушка обняла меня, нежно похлопывая по спине. Подождав, пока я успокоюсь, она помогла мне подняться и, обратившись к Вэй Хуань и двум служанкам, сказала: «Мне нужно поговорить с принцессой Чанлэ наедине».

Вэй Хуань и служанки поняли намёк и тихо удалились в неизвестном мне направлении. На обширной площади позади чертога Цзычэнь, кроме ночных дозоров императорской гвардии, остались лишь матушка и я.

Я вытерла слёзы и спросила: «Почему ты так поздно не спишь, матушка?»

Матушка улыбнулась в ответ: «Сыцзы, ты не устала?»

Я покачала головой. Тогда матушка взяла меня за руку и медленно повела к чертогу Цзычэнь. По пути она подняла голову к небу и заметила: «Сегодня луна очень круглая».

Я тоже посмотрела вверх и увидела огромный красноватый лунный диск, висящий в небе, словно лепёшка, подернутая дымкой огня и пыли. Мой желудок тут же отозвался громким урчанием. Матушка опустила взгляд на меня, я покраснела, потерла живот и, чтобы утешить себя, пробормотала: «Завтра встану пораньше и позавтракаю».

Матушка промолчала и подвела меня к ступеням, где стояло блюдо с чем-то неопределённым. Сама она села на ступеньку, взяла с блюда какой-то предмет и протянула мне. Только тогда я разглядела, что это были сухие пресные лепёшки. Я подумала, что матушка не даст мне ничего плохого, да и голод давал о себе знать, поэтому взяла лепёшку. Но, откусив всего раз, едва не выплюнула — она была холодной, твёрдой и отдавала затхлым запахом старой заплесневелости. Не то что я — даже мои служанки, пожалуй, отказались бы есть такое.

Однако это было дарование правителя, и выплюнуть его значило проявить неуважение к матушке. Я, только что понесшая наказание, не смела так вольничать и потому держала эту гадость во рту, лишь бросая на матушку взгляд, полный слёз.

Матушка всё это время наблюдала за мной и, увидев мои мучения, тихо рассмеялась, поднеся ладонь к моим губам: «Выплюнь».

Я поспешно достала мерзкую массу изо рта и швырнула её подальше. Матушка, глядя на меня, улыбнулась, затем отвернулась и, устремив взгляд вдаль, спокойно произнесла: «Твоя старшая сестра дожила до шести лет, питаясь такими лепёшками».

Я, не найдя платка, незаметно вытирала руки о платье, но, услышав её слова, замерла: «Старшая сестра всё же была принцессой. Неужели дело могло дойти до такого?» Отец так любил матушку — разве её дети, даже если их невзлюбила вдовствующая императрица, могли остаться без еды?

Матушка снова рассмеялась, но на этот раз смех её был холодным: «Когда та низложенная императрица лишилась власти, у неё не осталось даже таких лепёшек. Твоя сестра была всего лишь принцессой. Почему бы и нет?»

Я не нашла, что ответить, лишь невольно перевела взгляд на блюдо с лепёшками. Во рту стало

горько, а место на руке, которым я касалась лепёшки, стало гореть. Лицо запылало. Я опустила голову и тихо сказала матушке: «Прости меня».

Матушка закрыла глаза. С моего ракурса было видно лишь, как дрогнули её ресницы. Я услышала лёгкий вздох, будто она вот-вот заплачет, но в итоге она произнесла с улыбкой: «Сыцзы, твой старший брат, наследный принц, Люлан, ты и я — мы самая могущественная семья в Поднебесной, но также и самая опасная. Пока у тебя есть власть и влияние, все стремятся к тебе, готовы ради тебя в огонь и воду, лишь бы доказать свою преданность. Но стоит потерять власть...» Она взглянула на блюдо с сухими лепёшками, оторвала кусочек и медленно положила в рот, словно желая запомнить вкус каждой крошки.

Видя это, я тоже отломил кусочек и попробовала — это была самая отвратительная еда, которую я пробовала за две жизни. Глотать её было словно глотать камень. Трудно было представить, как моя сестра, прожившая лишь шесть лет, могла питаться этим. Ещё труднее было представить, что, по слухам, она умерла от сердечного приступа, а не от голода или болезни желудка. Меня внезапно пронзил леденящий страх. Я потянула матушку за руку, чтобы она прижала меня к себе. Матушка позволила мне прильнуть к её коленям и, одной рукой перебирая мои волосы, неспешно продолжила: «С тех пор я поклялась, что мои дети больше никогда не познают такой горькой доли. Но вышло так, что я слишком избаловала вас, и вы совсем не ведаете о подстерегающих опасностях! Твой старший брат, наследный принц, лишь недавно начал помогать в управлении страной, а уже и «Женские добродетели» составляет, и просит посмертно возвысить Бохайского князя. Люлан целыми днями только и знает, что водится с девчонками, нимало не заботясь о делах семьи и государства. Ты же была самой смыслёной из троих, увы, но ты — девочка».

Матушка внезапно умолкла, тяжело вздохнула и затем продолжила: «Твой отец полагает, что девочкам не нужно учиться интригам и борьбе, но он не ведаёт, что во дворце быть женщиной куда труднее, чем мужчиной». Она снова погладила меня по голове. Я крепко ухватила за её руку, прижавшись щекой к ладони. На душе было тяжело, я не знала, что сказать, и лишь повторяла: «Матушка... Матушка...»

Матушка покачала головой. Одна-две слезинки скатились по её лицу и упали на моё. Я хотела стереть их, но слёзы уже высохли. Матушка склонилась ко мне и отчеканила: «Тайпин, тебе пора повзрослеть».

Её слова прозвучали очень тихо, но я расслышала каждое. Всё тело моё дрогнуло, словно что-то кольнуло изнутри. В это время в боковом павильоне зажгётся свет, и отец, накинув халат и опираясь на руку Ян Цыгао, вышел, сонно позвав: «Цинян, почему опять не спишь?» Увидев меня, он удивился: «Сыцзы тоже не спит? И глаза красные? Цинян, ты снова её отчитала?»

Вспомнив только что сказанное матушкой, я невольно ощутила некую отстранённость от отца. Я опустила голову и не ответила. Матушка обняла меня и сказала отцу: «Я наказала её людей и заставила её стоять на коленях до сих пор. Она на меня сердится». Похлопав меня по плечу, она добавила: «Уже поздно, ночуй сегодня в чертоге Цзычэнь. Пусть Вэй Хуань останется с тобой».

Услышав, что я стояла на коленях так долго, отец неодобрительно взглянул на матушку, ласково обнял меня и принялся утешать: «Матушка заставила нашу Сыцзы так переживать. Пусть отец извинится за неё, хорошо? Сыцзы, не плачь, отец уже издал указ: отныне, если захочешь выйти, можешь, только людей побольше с собой бери. Не надо больше тайком убегать, ладно?»

Рука отца была по-прежнему тёплой, а его слова — такими же болтливými и полными любви, как у любого обычного отца, обожающего свою дочь. Но в моём сердце всё ещё звучали слова матушки. Когда отец повёл меня внутрь, я невольно всё оглядывалась на неё. Она же шла спокойной поступью, лицо её было мягким и добрым, улыбка — обычной.

Чертог Цзычэнь состоял из множества помещений. Помимо главного зала были боковые павильоны, а перед ними — дополнительные флигели. Ли Жуй и я раньше жили в этих флигелях, недавно мы переехали, и не все вещи ещё были вынесены. Ступив внутрь, я ощутила привычное чувство. Машинально я слегка приподняла руки, ожидая, что госпожа Ян поможет мне раздеться, но это сделала Вэй Хуань: сняла плащ, затем подошла и расстегнула мою верхнюю одежду.

В покоях ярко горели светильники, отчётливо высвечивая бледное лицо Вэй Хуань. Беспокоясь о ней, я сказала: «Ты так долго стояла на коленях. Позови врача, пусть осмотрит».

Вэй Хуань ответила: «Кто я такая, чтобы беспокоить врачей Императорской медицинской службы?» Однако, не успела она договорить, как снаружи вошли служанки с вёдрами воды, а за дверью доложили о прибытии придворного лекаря для осмотра моих жил.

Я улыбнулась ей: «Вот же он, кстати, пусть и тебя заодно посмотрит». Я распорядилась, чтобы служанки помогли ей переодеться за ширмой, а сама уселась на край кровати и велела позвать лекаря. Он долго и тщательно изучал мой пульс, затем приподнял край моей юбки, чтобы осмотреть колени.

<http://bllate.org/book/16278/1465924>